

М 82

Анисимкова М.

О ЛЕНЬЯ ДОЛИНА.

8

М. АНИСИМОВА

ОЛЕНЬЯ ДОЛИНА

Мансийские народные сказы

Издательство «Советская Россия»
Москва — 1965

M 82

0

Художник Е. Ракузин

с о д е р ж а н и е

- 6** СПАСИБО ТЕБЕ, САЛИ!
12 ПРО РЯБЧИКА
18 НЕВЕРНЫЙ ШАЙТАН
26 ТРУСЛИВОЕ СЕРДЦЕ
32 ЗОЛОТАЯ БАБА
38 СОННЫЙ РУЧЕЙ
46 ТИМКА-ПАУЛЬ
52 АГРЫЧ
59 ПАЧЕ, РУМА
64 ОЛЕНЬЯ ДОЛИНА

49701

СПАСИБО ТЕБЕ, САЛИ!

Есть у манси на Северном Урале любимое озеро, и зовется оно Ватка-Тур¹. Недалеко от этого озера жил в одинокой юрте охотник со своей семьей. Звали его Захаром. Был он трудолюбив. Целыми днями ходил

¹В а т к а - Т у р — озеро, богатое дичью.

по тайге, охотился. Знал повадки каждого зверя, умел выслеживать хитрую лису, находить зимой медвежьи берлоги, умел рогатиной изловить сохатого. Только оленей он никогда не ловил. Жалел их Захар, всегда любовался ими.

Однажды пошел Захар на озеро проверить поставленные на рыбу сети. Дело летом было. Время уже к вечеру клонило. Свернул он с тропки и направился к озеру. А у озера-то место топкое, зыбкое. Идет Захар, с кочки на кочку перепрыгивает, а ноги прямо по колено в мох проваливаются. Морошки кругом страсть как много! Тут и голубика и клюква растет. И такая красота кругом, тишина. Только мошкара жужжит, но Захар привык и не замечает ее. Вдруг увидел Захар, что мох во многих местах прямо с корнем выдеран. Присмотрелся хорошенько и заметил по следам, что зверь тут прошел.

Тихо на озере. Только и слышно, как рыба плещется, да утка вспорхнет. Отдохнул Захар да за дело рыбацкое хотел приниматься, как вдруг замер: недалеко от него стоял красивый зверь. «Сали»¹, — мелькнуло в голове у Захара, и весло из рук выпало. Встрепенулся олень, замер на миг и, гордо подняв голову с сереньким пятнышком на лбу, убежал прочь. Посмотрел Захар вслед ему и принялся сети вытаскивать.

По дороге домой Захар только и думал об олене.

Прошло лето, пришла и ушла осень, наступила зима. А зима на Урале суровая да снежная. Трудно Захару с семьей было жить. Юрта совсем худая стала.

¹С а л и -- олень.

И в охоте удачи нет. «Или зверь далеко ушел, или я сам плохо охотиться стал», — огорчился Захар.

Пошел он снова в лес. Идет день, другой, из сил выбивается, а на след зверя набрести не может. Мороз дает о себе знать, вся одежда заиндевела, усталость и дремота так и валят с ног.

Вышел из леса к болоту. Тут буран сильный поднялся. И видит Захар: на конце болота стадо оленей пасется. Обрадовался Захар. А олени копытами наст¹ разгребают да из-под снега зеленый мох-ягель себе добывают. А среди них тот, с сереньким пятнышком на лбу, которого он на озере видел. Стал Захар потихоньку подползать к оленям. Совсем близко подполз. Быть бы ему с добычей, да дрогнуло сердце, жалко убивать стало. Тут учуяли олени, что человек близко, и, когда Захар вышел из-за лесины, они уже умчались. Обесилел манси. Хотел повернуть обратно, вдруг видит: прямо к нему, опустив голову, идет большой и сильный олень. Попятился Захар, спрятался за лесину. А олень остановился около Захара и сказал ему голосом человеческим: «Здравствуй, Захар-охотник!» Испугался Захар, на колени опустился. А олень продолжает: «Давно тебя знаю, вижу, как ты трудишься, бродишь по тайге, а удачи нет тебе».

Захар в ответ: «Спасибо, гордый сали, что ты словом согрел меня».

А олень говорит: «Будь завтра снова на этом месте», — и, подняв высоко голову, убежал.

Много передумал за ночь Захар. Не верилось, что олень с ним разговаривал. Только показался первый

¹Н а с т — верхний, затвердевший слой снега.

луч солнца, Захар опять на болото. Красавец олень уже ждет его. Увидел изумленного Захара и говорит: «Буду я другом твоим и помощником, служить тебе буду. Садись на меня».

Быстро мчался олень по тайге, но ни одна ветка не хлестнула его, ни одна снежинка не свалилась с ветки... Сколько было удивления и радости, когда вернулся Захар домой!

Дни шли за днями. Все привыкли к доброму сали. Легче стало жить Захару. Освободил олень его от самых трудных работ.

Задумал охотник отблагодарить сали за его доброту, за то, что он облегчил тяжелую долю манси. Думал он, думал и решил смастерить такие рога, каких ни у кого нет. Долгие вечера сидели они семьей и вытачивали, отделявали каждую веточку. И вот готовы рога: крепкие, ветвистые, красивые!

Весной, когда начал таять снег, а тайга наполнилась криком птиц и зверей, вышел однажды Захар из юрты, запряг оленя и посадил всю свою семью на нарты¹.

«Поехали!» — крикнул Захар, и они помчались по бескрайним дорогам родной тайги.

Вот и Ватка-Тур! В эту пору озеро было особенно красиво. Утки прилетали стая за стаей. Соскучившись по родным местам, они с шумом и свистом плескались в воде. Захар освободил оленя из упряжки и вывел к тому месту, где впервые увидел его. В это время старший сын Захара принес приготовленные для оленя рога.

¹Нарты — сани для езды на оленях или собаках.

«Вот тебе, дорогой сали!» — сказал Захар.

Олень покачал головой в своем новом убранстве. Прошелся, красуясь, по берегу озера, копнул острым рогом землю.

«Спасибо тебе, сали, за помощь, — сказал Захар-охотник. — Иди на свободу».

«И тебе спасибо, человек. С такими рогами и волк не страшен», — ответил олень и, взмахнув красивыми рогами, скрылся в лесу.

Говорят, что с той давней поры олени носят рога и дружат с человеком.

ПРО РЯБЧИКА

Многие, наверное, знают рябчика — самую мелкую из боровых птиц. Рябчик зимует в наших местах, не улетает на юг. Перышки рябчика в два цвета: полоска беленькая, полоска серенькая — весь рябой. За это его рябчиком и назвали. Мясо у него белое, волокнистое

и вкусное, да жаль, что мало его. А ведь рассказывают люди, что рябчик когда-то большущей птицей был, гораздо больше глухаря тенерешнего.

«Фр-р-р!» — и теперь далеко слышно, как он летит. А раньше-то, когда он большой птицей был, такой шум стоял от его полета, что вся пернатая мелочь шарахалась. Ну, ясно, гордился он собой. Только плохое это дело: одного себя любить, одним собою гордиться. И наказали его птицы за хвастовство и зазнайство.

Вот про то и сказ будет.

Золотая пора — уральская осень! Благодать вокруг, простор. Воздух свежий и чистый. В нарядном красном сарафане рябина, тяжелыми черными гроздьями увешана черемуха. А вокруг целое море багрово-красной брусники, перезревшей черники и, словно наливной, костяники.

В это время птицам раздолье! Отведают они всего, чем богаты лесные просторы. Осенью птица вся на лету: и перелетная и зимующая.

Вот Филя, мальчик один, заглядевшись на птиц, зашел далеко в лес, где деревья стоят близко друг к другу и вершины их, кажется, упираются в самое небо. Не впервые видеть Филе птичье царство, да все равно как-то все любо-дорого! То птичка по-особому прокричит — знает Филя: это она птенцов об опасности предупреждает, то ласково прошебечет — лучшую ягоду своему малышу показывает. Так и не заметил мальчик, что от юрты далеко ушел. А тайга большая! Ай, какая большая! Вначале Филя не боялся, думал, что найдет дорогу. Но вот уж и солнце стало за лес са-

диться, потемнело вокруг, а места Филя все незнакомые.

Сумерки наступили, да скоро и ночь пришла. В лесу сон не в сон. Совсем рано утром, только солнце показываться стало, слышит Филя щелканье. Прислушался — глухарь токует. Посмотрел — на лиственнице сидит молодой глухарь, а старый его токовать учит. Говорит Филя старой птице: «Дорогу потерял Филя, покажи, глухарь, дорогу».

Оставил свое важное дело глухарь, полетел, взмахивая тяжелыми крыльями. Долетел до озера, остановился.

Видит Филя, устал глухарь.

«Спасибо, глухарь. Лети обратно. Я утку попрошу».

Присмотрелся. Утка утят летать, плавать, нырять учит: то поднимется высоко — и утята за нею, то опять сядет на озеро — и утята вместе. Попросил Филя утку показать ему жилье человека. Утка оставила детей и полетела. Шел, шел за нею Филя, устал. «Много дел у тебя. Стаями скоро собираться будете. Лети обратно!»

Улетела утка. Отошел Филя немного, видит: косач по бору ходит, ягоды клюет, нет-нет да в сторону поглядывает, любитесь, как молодые косачи наперегонки летают.

«Добрый косач, покажи мне дорогу к жилью человека».

Косач замахал своими черными крыльями, полетел. Филя за ним. Летел косач, пока не устал. Отпустил Филя и косача, пошел один.

Идет, идет и видит, нет бездельников в тайге. Все заняты своим делом. Сел Филя и задумался. Сидит, слушает, как тайга шумит. Вдруг как разнесется по всему лесу: «Фр-р-р!» Вздрогнул Филя, обернулся. Птица громадная летит, солнце крыльями закрыла. Летит не спеша. Села невдалеке, себя оглядывает, перышки клювом перебирает, приглаживает.

«Рябчик! Помоги мне! Филя дорогу потерял».

Как засмеется, как завертит птица головой из стороны в сторону: «Думал ли ты, что сказал? Я — рябчик! Я самая лучшая птица, самая красивая, самая большая! Мало тебе в тайге мелкой птицы? Вздумал еще, чтобы я ему дорогу показывал!» — Захохотал-зафыркал, взмахнул крыльями и улетел.

Слышали птицы речь рябчика и стали дорогу Филю показывать по очереди. Привели Филю к речке знакомой. Услышал он грустные звуки родной санголы¹, лай собак. Обрадовался Филя и бегом побежал к юрте.

«Кто дорогу показал домой?» — спросил отец.

«Птицы, — отвечает Филя, — хорошие птицы, только рябчик плохой».

«Зачем Филя его ругаешь? Рябчик большая птица, много мяса дает».

«Плохая, плохая! Рябчик только себя любит, других нет. Рябчик над горем смеется, не слушает других».

«Зря Филя рябчика ругаешь. Рябчик хорошая птица», — не верит отец.

Тогда позвал Филя всех птиц. Пришел отец

¹ Сангола — музыкальный инструмент.

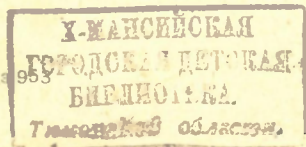
10765

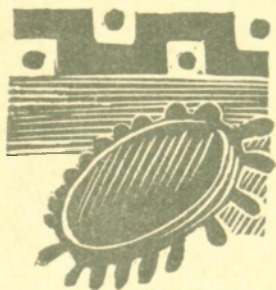
послушать, правду ли Филя про рябчика говорил. А рябчик только одно и то же твердит:

«Кто вы все против меня? Мелочь! Кто еще может сравниться со мной? Я один, а вас стаи. Я один лучше вас всех!»

«Вот что, рябчик, — сказал тогда Филин отец, — вижу, зазнался ты, над всеми смеешься. А за все это разделим мясо твое между птицами. Быть тебе отныне меньше всех боровых птиц».

Тут только опомнился рябчик, испугался, взмолился. Да нечего делать. Разделили птицы его белое мясо между собой, с кулачок оставили только. Так рябчик и стал самой незаметной птицей. Только и сохранилась у него привычка при взлете фыркать да крыльями шумно размахивать, но никто на это внимания теперь не обращает.

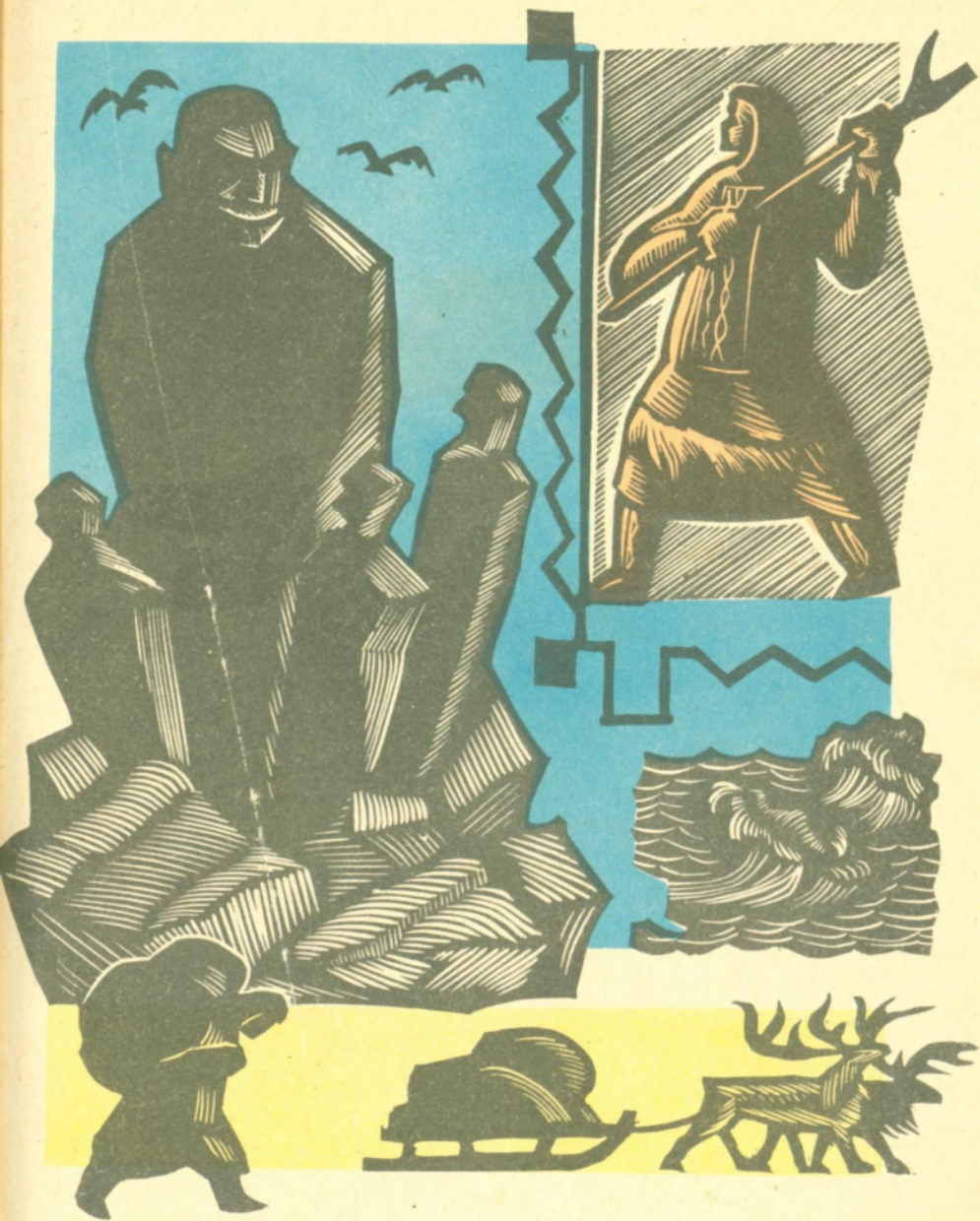

НЕВЕРНЫЙ ШАЙТАН

Давно, сказывают, это было. Промеж высоких скал в долине небольшой речушки, на видном да на высоком месте, стоял деревянный шайтан¹, окруженный разными идолами.

¹Ш а й т а н — изображение божества, предмет поклонения.

Каждую осень, как пройдет по земле первая пороша, сюда с дарами и жертвами направлялись манси просить помощи у идолов, просить удачи в охоте. И каждый манси нес дары, да такие, какие запросил шаман на прошлом празднике. Дорого обходилось все это народу: много соболей, белок да куниц надобно было жертвовать деревянному шайтану-идолу.

Вот, говорят, жил в одинокой юрте охотник Илья. Каждый год лучшее, что имел, носил он в дар шайтану, но удачи в охоте все не было.

Далеко в лес Илья ходить не мог: ногу изувечил как-то на охоте. А близко ходить было нельзя: тут все места шаману принадлежали.

«Ну, — думает Илья, — уж нынче я постараюсь угодить шайтану».

С самого лета стал он готовить тотап — сундук. На каждой стороне тотапа разные узоры наладил: на одной стороне оленя быстроногого вырезал, на другой — собаку свою верную, а на самой крышке тотапа — самого шайтана: точь-в-точь такого же пучеглазого, как на скале стоит. Как пришла пора, положил он в тотап самого лучшего соболя и, ковыляя, направился на праздник.

Далеко еще Илья услышал шум горной реки. Подошел, видит: шуга¹ идет.

Берега, кажется, шире стали. Льдинки с шумом уносят вниз последние листья. Полюбовался Илья осенней рекой, вздохнул глубоко, поправил малицу, откинул косы, переплетенные нитками всякими, украшен-

¹Шуга — первый осенний лед незадолго до рекостава.

ные кольцами медными да серебряными, и пошел к заветному месту.

Народу полно уж там. Все стоят на коленях и шайтану деревянному молятся.

После долгих просьб и молебнов перед шайтаном деревянным стали люди ему праздник справлять. Дары развесили на лесины вокруг шайтанов да идолов. Тут и лисы, и куницы, тут и соболя, и рысь, и горностаи, и белки висят на виду. А Ильюхин-то соболь ближе всего к шайтану.

Вдруг послышались удары бубна шаманова.

Сам шаман стал шайтану молиться, за людей просить удачи в охоте, в песнях да плясках своих милости выпрашивать, все мастерство свое показывать. Кружится, мечется из стороны в сторону. Кричит голосами разными: птичьими и звериными. То на землю упадет, то вскочит быстрехонько, то медведем зарычит, то собакой залает.

А бубен гремит-грохочет, шум такой стоит да гвалт, будто не один шаман все это проделывает, а великое множество народу.

После такой-то службы усердной весь растрепанный ложится шаман к подножию горы шайтановой. А народ тогда обед справляет да пляски устраивает.

А Илье нынче невесело на празднике. Надоели ему за всю жизнь причуды да выдумки шамановы. Не видит он в том толку никакого.

И думает Илья: «Если в тайгу иду и зверя найду — есть удача, если припас есть — тоже хорошо, тогда я и без шамана зверя добуду. Чем помог мне шай-

тан деревянный? Что сделал для меня шаман хорошего? Врут все они!»

Думал про себя Илья, а сам все на шамана поглядывал, не угадал ли шаман мысли его. А шаман лежит на земле и отдышаться не может.

«Дай-ка, — думает Илья, — я останусь да проведаю, посмотрю, куда деваает шаман наши дары? Как наделять ими шайтана будет деревянного?» — И с мыслями такими отправился в круг...

...Долго пели, плясали, молились все, целовали идолов на столбах малеванных. Только поздно к вечеру, когда глаза шайтановы огнем загорелись, расходиться стали охотники.

А Илья домой не пошел. Спрятался он за кустами багульника и ждет.

Пролетела птица, задела крылом куст багульника. Прокричал где-то в стороне филин. Страшно стало Илье. Показалось ему, что это идолы меж собой перекликаются.

Поднялась луна из-за леса густого, осветила место заветное и речку быструю, шумную.

Кажется Илье, что камни между собой переговариваются, а это речка журчит да от лунного света поблескивает.

«Нет, — думает Илья, — не боюсь я вас, помощников шайтановых!»

Видно Илье, что шаман собираться стал, что погасли глаза у шайтана деревянного. Снимает с лесин всю пушнину шаман, снимает и складывает в кучу одну. А куча растет и растет, да такая большая, что ни за что не поднять ее враз человеку.

«Вот богатство какое, столько мехов! — думает Илья. — На это все стойбище наше может прожить без охоты долгое время».

А шаман носит и носит пушнину. Запряг он олень своих, да не одну упряжку, а целый ряд. И давай меха таскать, грузить да укладывать, а к шайтану деревянному и близко не подходит. Хоть бы белку одну в дар ему бросил. Нет, негодный! Все забрал себе!

А Илья дрожит теперь уже от злости и обиды. «Не жаль мне тотана и соболя драгоценного, да обидно, что народ долгие годы обманывается. Обидно, что верят плуту лживому во всем!»

Тут раздался крик шамана, и одна за другой мимо Ильи побежали нарты, увозя все богатство. Вскочил Илья, пошел по следу.

Хоть и больна нога у Ильи, да ходко идет он по гайге.

Идет, торопится. Вдруг видит: за поворотом упряжка стоит. Шаман перевязывает нарту, плохо уложенную второпях. Подбежал к нему Илья, да как схватит его, как встряхнет!

Шаман заорал от неожиданности. Кричит что-то непонятное, не то заклинания, не то мольбу. Только Илья, как рысь, трепал его, перекидывал из стороны в сторону.

«Жадный волк! Хитрая лиса! Злой обманщик!» — кричал в ярости Илья.

«Бери все!» — взмолился шаман.

И сказал на это Илья: «Я всю жизнь живу в тайге. Всю исходил ее, избороздил, а богатства такого не

видывал, и не надо мне его, чужого да краденого! Только знай и ты, бессовестный, чтоб ноги твоей больше здесь не было. Возьми нарту и убирайся прочь! Расскажи теперь в песнях своих, как охотник ограбил тебя, коли совести нет. Только знай, что все это тебе не достанется».

Повернув шаманские упряжки, поехал Илья обратно к реке и к шайтану.

Приехал охотник к месту заветному. Всюду идола торчат, на кольях скрипят, от ветра поворачиваются.

Страшно Илье, жутко.

Развязал он нарти и сбросил все в горную быструю речку. Река подхватила легкие дорогие меха и унесла их вместе с шугой.

Душа Ильи была переполнена гневом, тоской и обидой. Ему хотелось крикнуть на всю тайгу, но только стон вырвался из его груди.

Илья выпил ледяной воды и снова подошел к упряжкам. Распряг оленей и пустил их на волю в тайгу, а сам направился с шайтаном справляться. Взобрался на скалу, где деревянный шайтан стоял, тронуть хотел, да страшно стало. Однако вспомнил Илья, что обман все это, осмелился: «Неверный шайтан, обманчивый». Как схватит его Илья, да как бросит с утеса каменного, — только шум раздался кругом. Покатился шайтан, загрохотал о камни и бултыхнулся прямо в речку горную, быструю.

От шума да грохота сильного пробудились птицы и звери. Прокричала сонно сова и села на то место, где шайтан стоял.

А Илья домой пошел.

И не знал никто про случившееся, только жадный шаман в эти места больше не езживал, нашел, видно, новый Молебный камень.

Знали обо всем только старые охотники, знали, да помалкивали, да потихоньку над шаманом посмеивались. А место-то и речку и теперь Шайтанкой зовут.

ТРУСЛИВОЕ СЕРДЦЕ

Силы у Ювана было хоть отбавляй, и зла столько же. Плохо, когда не знает человек, куда силу девать. Потому и не любили его, на праздники никто не приглашал. А он от этого еще злее был. В молодые-то годы приглашали, да только все праздники, где он бывал,

R

драками заканчивались: всегда Юван с кем-нибудь ссорился. Худая молва быстро летит по свету. За все это и перестали его в гости звать.

От обиды такой уехал он далеко от других юрт, чтобы никого не видеть, никого не встречать.

Жена у него была — Огафьей звали: тихая-тихая, молчаливая. Посмотрит только на нее Юван, а она сразу вся задрожит, как осиновый лист на ветру. Да и олени, и собаки его боялись, так как каждый на своих боках испытал его пинки и удары. А бывало, когда узнавал Юван, что у кого-то праздник, знали все — не будет покоя в его юрте. Едет тогда Юван за далекие версты, берет огненной воды и приезжает домой чуть жив. Все в юрте и вокруг стихнут, кажется, перестают дышать: Огафья, олени, собаки. Даже деревья, кажется Огафье, не машут своими ветками, а притихли и слушают, как бушует Юван. «Какой злой Юван!» — говорили все.

Обидит он Огафью и как только уснет, наденет она лыжи да убежит в тайгу к оленям. Они ласкаются к ней: лижут ее руки, мычат, будто жалеются, и сами жалеют ее.

Проснется Юван, скучно ему, что никто не слушает его, пойдет, найдет Огафью, растолкает оленей, приведет ее домой да снова набьет.

Плохо живет Огафья. А куда пойдешь? Увозил раз ее старик Номин, да Юван такой шум учинил, чуть юрту всю не раскидал, забрал Огафью. Родных нет у Огафьи, другие боятся Ювана. Вот и жила она, слушала ругань да носила побои. А куда денешься? Все равно Юван найдет. Думали все, что стариком будет

Юван лучше, перестанет буяннить — да нет! Замечает Огафья, что он еще злее стал.

Раз ушел Юван на охоту, долго его не было. Огафья взяла чуман да пошла в лес к зверям. Пойду, думает, попрошу у зверей воды, которую они пьют, может, напившись ее, Юван добрее будет. Долго встречи ждать не пришлось. Видит, лиса хвостом виляет. Ушки наострила. Обхитрить кого-то хочет. Увидела Огафью — поклонилась низко.

«Лисанька, — говорит Огафья, дай мне воды твоей, которую пьешь. Может, сердце лучше будет у моего Ювана».

«Не жаль, Огафьюшка, да только хитрить он перед тобою будет». — «Не беда! Хитрость тоже нужна человеку. Может, зло и пройдет у него». — «На!» — И лиса налила ей воды своей.

Идет дальше Огафья. Смотрит, соболь с дерева на дерево прыгает. Остановился у дупла и смотрит на Огафью. «Зачем пожаловала?» — спрашивает. «Да хочу воды у тебя попросить, которую ты пьешь. Может, Юван добрее станет».

«Стоит ли идти! Принес бы сам. Да ведь попробует он моей воды, все время будет в работе.

«Не беда, — говорит Огафья, — работа не портит человека». Дал ей соболь своей воды.

Идти дальше стало труднее, бурелом кругом, лес гуще. Слышит Огафья треск в лесу. Подходит — медведь! С корнем дерева вырывает — берлогу строит. Увидел Огафью — остановился.

«Какими судьбами?» — «Да вот пришла к тебе воды просить. Ювана своего хочу напоить, может, зло у

него и пройдет». — «Да, зол он у тебя. Но ведь моя вода сделает его еще сильнее». — «А разве не нужна ему сила?» — говорит Огафья. «Да ведь кому как? Кто гордится ею, а кто озорует. На, бери, для тебя мне не жалко!» — И медведь налил Огафье в чуман своей воды.

Долго шла по лесу Огафья, пока встретила лосиху. Мычит лосиха, бегают беспокойно, плачет. «Зачем Огафья пожаловала?» — в слезах спросила лосиха.

«Да горе у тебя какое-то?»

«Ох, горе! Горе! Лосенка я своего потеряла. А ты что здесь делаешь?» — «Да, не вовремя, наверное, я пришла. Хочу воды у тебя просить для Ювана. Может, не такой злой будет».

«Не жалко, Огафьюшка, да сердце очень мягкое у него будет. Обиды терпеть не сможет. Жалости много будет. Добрый станет. А разве мужику таким надо быть?»

«Да, этого у Ювана и нет! — наверное, впервые за всю свою жизнь улыбнулась Огафья. — Без добра плохо жить человеку. Но куда ты мне ее нальешь? Чуман у меня один. Тут и лисья вода, и соболя, и медвежья». Думала, думала Огафья, куда налить лосиной воды, да так всю вместе и слила в один чуман. Поблагодарила она лосиху да скорее отправилась домой.

Наверное, уже и Юван вернулся. Снова заболело сердце Огафьи. Снова страшно идти домой. Только стала подходить к юрте — видит, белки в разные стороны по деревьям несутся, соболь отпрыгнул в сторону. Догадалась Огафья — Юван идет. Села за куст и сидит, ждет, что будет. Как и прежде. закричал Юван на

Огафью на весь лес, а она прижалась и сидит ни жива, ни мертва.

Покричал, покричал он и ушел. Видно, устал очень. Спать лег. Вошла Огафья тихо в юрту. Поставила чуман со звериной водой, и не успела она опомниться, как проснулся Юван, да как крикнет, и не стало вдруг Огафьи, а зайчиха большая сидит под столом и дрожит вся. Глазам своим не верит Юван. Огафья стояла, и нет ее. Куда делась? Схватил он сгоряча воду и выпил всю из чумана. Да тише вдруг стал.

«Огафьюшка, — крикнул. — Иди сюда, Огафьюшка!» А Огафьи и нет. Сидит только под столом зайчиха да лапками слезы вытирает. Взял ее на руки Юван да начал гладить. Догадался он, что Огафья это от страха в зайчиху превратилась. И всего боится зайчиха: шороха в лесу, крика зверей, лая собак.

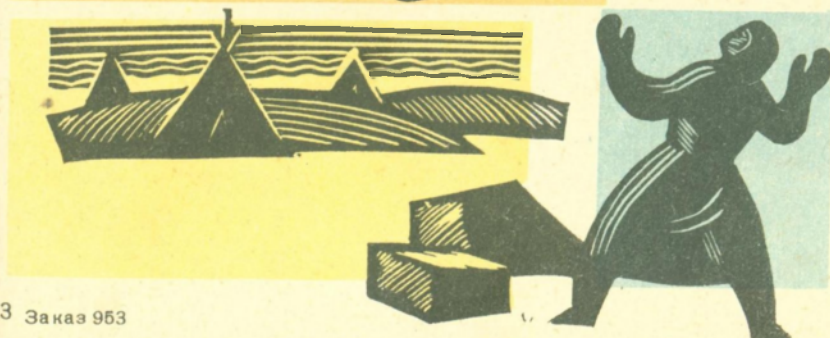
Трудно одному стало жить Ювану, да что поделаешь? Сам виноват. Собак стал сам кормить... оленей пасти. Верно помогала ему звериная вода.

А с тех пор зайцев никогда не бьют манси, не хотят, чтобы у них было такое же трусливое сердце, как у Огафьи. Тайга принимает только отважных.

ЗОЛОТАЯ БАБА

Как-то на закате, когда, словно прощаясь на ночь с землей, солнце заливало все своим светом, торопился в свою юрту Куземка. Шел он мимо горной реки, потом завернул в ложок, что промеж гор затерялся, и решил напрямик скоротать дорогу. А кругом красота-

то какая! Хочешь не хочешь, да остановишься, заглядишься на мать-и-мачеху, на кукушьи лапки да ландыши.

Здесь словно и мошкара добрее становится, вся ярость у нее проходит — любитесь тоже. Много в наших лесах таких уголков красивых. Идет Куземка ходко да тихо, словно спугнуть кого боится, да слышит вдруг: что-то шумит у него под ногами, журчит да грохот раздается. «Ручей, верно, в траве течет», — рассуждает Куземка. Пригляделся — нет. Да тут и солнце словно упало за горы. Сумрачно, тоскливо сразу стало, а под ногами Куземки все равно что-то шумит. Ничего охотник понять не может. Прилег ухом к земле, слышит: будто ручей далеко в горах течет и стук да грохот какой-то, словно кто камни ворочает да раскидывает. Прибавил шаг охотник, тетиву лука натянул покрепче.

И вдруг видит Куземка — стоит на горе баба да гору раскидывает, а сама то черная, то красная, то желтая, и платья на ней никакого нет — вся каменная.

Присел от страха Куземка, а она заметила его, перестала разбирать гору и говорит ему: «Счастливый ты парень! Повезло тебе золотую бабу увидеть. Не думала, что так поздно придешь сюда. Только молчи!» И потерялась баба. Куда ушла, не заметил Куземка. Сидел, сидел, совсем темно стало, а золотая баба так больше и не показалась.

Уже совсем темно стало, когда Куземка подходил к юрте. Кому рассказагь про золотую бабу? Что принесет она в его юрту?

Долго Куземка не был дома.

«Все ли здоровы? Все ли живы?» — в тревоге думал он.

Мать радостью встретила Куземку.

«Каждая олениха из твоего стада принесла тебе по два олененка», — со слезами на глазах говорила мать.

Теперь Куземка будет богат. Утром собаки сами пригнали лося к юрте Куземки. И так день за днем, словно кто стал приносить в его дом удачу за удачей.

Лоси сами приходили к юрте, птицы летали над головой, а соболи целыми семьями гнездились у его юрты.

«Кто так осчастливил Куземку?» Целыми днями ходят охотники по тайге, и все с пустыми руками возвращаются, а Куземка и сам не рад богатству такому, не привык он к нему, а как разделить его всем людям — не знает. Худая молва пошла про Куземку. Не любить его стали в округе, сторониться, бояться, а богатым шаманам завидно. И решили они его на костре сжечь, чтобы выгнать худой дух из него.

Жаль охотникам Куземку, а что делать? Завязали Куземке глаза да повели на гору, а там внизу, под горой, большой костер горел. Поставили его на край горы, да попросил Куземка глаза развязать, на леса родные взглянуть.

И видит Куземка: далеко на горе баба каменная стоит, вся как жар горит, а сама Куземке каменным пальцем грозит да молчать велит.

Но не вытерпел Куземка да как крикнет: «Золотая, каменная баба! Зачем Куземку счастливым сделала? Зачем дала мне столько богатства? Братья, ищите ее!»

Костер вдруг погас, а Куземка в камень черный превратился.

«Надо искать золотую бабу! Она принесет всем счастье!» Стали к горе собираться целые племена. Гору, на которой стоял Куземка, всю по камешку раскидали — ведь никому не сказал Куземка, какая она была, эта баба: большая или маленькая, золотая, медная или каменная?

Знали только охотники, что искать ее надо, что принести она счастье должна, как принесла его Куземке.

Долго думали, долго собирались. И пошли в разные стороны. Кто к океану пошел, кто к горам, а кто в сторону, где солнце больше греет. Долго ходили по разным краям мансийские племена в поисках золотой бабы. Многие с тех пор так и не вернулись в родные края.

Много веков из поколения в поколение искали ее манси.

«Какая она?» — мучил всех вопрос, ведь Куземка камнем стал и никому ничего не сказал.

«Хватит, люди! Перестаньте искать золотую бабу! — как-то сказал молодой охотник Юшлан. — Или наши отцы не умели искать зверя? Стрелять из лука?» Взял свою собаку Юшлан и пошел в лес. Да и другие охотники тоже.

По-прежнему богаты леса, реки, озера. И поет Юшлан песню: «Спасибо вам, ноги, спасибо, глаза, спасибо, солнце и лес! Я с вами богаче золотой бабы!»

Отчего так хорошо живет Юшлан? Наверное, тоже увидел золотую бабу? Нет! Труд сделал Юшлана счастливым!

СОННЫЙ РУЧЕЙ

Много веков стояли под горой хмурые молчаливые пихты. По стволу и ветвям распустили они свои старые мшистые бороды. Тоскливо и сыро было в их царстве: ни пения птиц, ни луча солнца. Только сильный порыв ветра, прилетавший с гор, будил их, слегка пока-

чивая ветви. Они начинали скрипеть, кряхтеть и как будто просыпаться от вечного сна.

И вдруг с горы с шумом и грохотом побежал ручей. Брызги блеснули на солнце, прыгали с камня на камень и катились к подножию в царство молчаливых пихт. У ложка, среди бурелома успокоился ручей, остановился и призадумался. В него, как в зеркало, смотрелись старые пихты. Никогда еще ручей не видел таких огромных деревьев, и, как показалось ему, пихты махали от радости ветвями.

Скоро скрылось солнце, деревья так прижались друг к другу, что даже не видно стало неба. Подремал, подремал ручей и стал искать себе выхода. Уж больно скучно стало ему среди хмурых деревьев. И куда бы он ни пускал своих гонцов, так никто к нему и не возвращался. Тогда собрался он сам и тихо покатиł свои воды.

Всюду стояли могучие деревья. Он огибал их, пробивал, протачивал многими днями, годами их корни, но снова выходил в хмурое, темное царство. Устал ручей и заснул. Привык. Осенью старые пихтачи засыпали его своими иголками, и он спокойно покачивал их.

Вдруг сильный топот нарушил сонное царство. Человек бежал по берегу забытого ручья. Он ударялся о стволы громадных деревьев, падал, вставал и снова падал...

Ручей сбросил с себя дремоту, отогнал от берегов прошлогодние иголки и зажурчал. Человек лежал у самого берега, и не было сил у него подняться. Но вот он встал на колени и, захлебываясь, стал пить из

ручья воду. Только успел отпить несколько глотков, как тут же уснул. Спал человек долго. Проснувшись, поправил свои доспехи и хотел снова напиться из ручья. Только глотнул, как сразу стал снова засыпать.

«Нет! Ты хитрый ручей! Коконя не будет спать! Ему надо спешить. Коконю ждет Варвара. Коконя долго был на войне!» — Быстро встал он и пошел, но вернулся.

Это, наверное, и есть тот ручей, про который рассказывал ему дедушка. Оглянулся Коконя, и вправду: кругом дремота, тишина. Страшно стало ему. Солнце увидеть охота. И воды бы прихватить из ручья надо. Чуман сделать — бересты нет. Снял с ног нярки Коконя, набрал этой воды, что в ручье, и скорее из темного леса. Шел долго Коконя по тайге: по темному бору, по топким болотам, увалистым сопкам, и пришел, наконец, к подножию горы, где Варвара жила. Тихо вокруг. Не лают собаки, не слышно стука топора, не слышно и песен, которые так хорошо пела Варвара. Заболело у Кокони сердце. Вспомнил он, как дрались они с чужими злыми людьми, что пришли в родные леса отнимать все, что было у них, уводить к себе жен и невест, стариков и детей. Долго дрались братья Кокони. Стрелы, как снег, летели во врага. Долго гнали чужих людей, только вот вернулись не все. Коконя вернулся. Он обошел много юрт, но в них никого нет. Нет отца, нет братьев, сестер. Вот подходит он к юрте Варвары, она обещала ждать его. Знакомые родные места! Подросли березки, сосенки, но опытный глаз видит — близко человек не живет.

Вот и тропка к юрте, уж морошка спелая на ней. Давно нет здесь Варвары. Юрта открыта настежь, какой-то зверек смастерил себе гнездо в углу. А вокруг юрты целое море голубых цветов — незабудок. Так много, что и ступить некуда. Сорвал Коконя несколько цветков, а они, словно заплакали, смотрят на него, будто глаза. Сорвал еще, тоже слезинки закапали.

«Не цветы мы, а слезы Варварины. Сколько цветов вокруг, столько слез по тебе пролила Варвара», — говорит в руках Кокони незабудка. А сама смотрит на него глазами Варвары, добрыми да ласковыми.

«Где искать Варвару?» — спрашивает Коконя.

«Не знаю! — покачала красивой своей головой незабудка. — Увез ее парень на белом олене и повез к океану, так говорил ветер».

Коконя не стал разжигать костер и пошел в сторону океана.

«Возьми воды из сонного ручья», — еле расслышал он голос незабудки. Сделал тут чуман из бересты Коконя, вылил из нярок воду и пошел. Все цветы махали ему вслед.

Долго шел Коконя. Потерял счет дням и ночам. За все время никого не встретил он, никого не спросил. И вдруг где-то в стороне послышался лай собаки. Коконя пошел на него. У громадной сосны, словно прижавшись к ней, стояла юрта. Низко кланяясь, Коконя зашел в нее. На шкурах лежал дряхлый старик. Увидев воина, он поманил его к себе. Говорил старик глухо. Коконя еле-еле понимал его. Сам Коконя рассказал, куда и зачем идет. Старик слушал и кивал головой, а потом сказал: «Слышал я, что атаман вели-

кого войска увез прекрасную девушку. Слышал, что одну ее он никогда не оставляет. Уж и война давно прошла, а он кого-то боится. Трудно тебе будет одному забрать ее. — И старик замолчал. — Вот если бы достать из сонного ручья воды, мы с тобой чего-нибудь придумали». Достал Коконя чуман с водой из ручья и подал старику. Понюхал старик, попробовал на язык, зажевал и шепотом промолвил: «Она! Бери моего оленя, он выбежит к тебе из-за сосен, как только ты три раза звонко цокнешь языком. Олень будет верно служить тебе! Иди с богом, сынок!»

Вышел Коконя, цокнул языком три раза, и перед ним появился сытый и сильный олень. Он помчал его вихрем. Вскоре Коконя увидел большие стада оленей, а потом и большое селение. Олень остановился у селения и рогом указал на большую юрту, что стояла посередине селения.

Как только стемнело, Коконя незаметно вошел в юрту, спрятался под нары, что ближе к двери. Все ему здесь напоминало Варвару. Он видел расшитые ею савики, унты, рубахи.

К вечеру, когда спряталось за лесом солнце, раздался лай собак, топот и крики. Возвращались с охоты. Дверь широко распахнулась, и с криком ввалился хозяин, все остальные вошли молча. Хозяин грохнулся на нары и попросил пить. По легким, быстрым, мягким шагам Коконя узнал Варвару.

Он улегся поудобнее, чтобы лучше разглядеть ее. Но лицо ее было покрыто платком, она только успевала подносить еду своему хозяину и гостям. Насытившись, хозяин ушел в другую половину юрты.

Улучив минуту, Коконя дернул за расшитое платье Варвару. Она отскочила, громко взвизгнув. На крик выбежал хозяин, но Варвара, завернув руку в платок, села в угол. Хозяин зло выругался и ушел.

Варвара узнала Коконю. Она молчала от страха. Коконя достал чуман с сонной водой и отдал, сколько ее осталось, Варваре. Вскоре хозяин снова попросил пить. Варвара подала ему сонную воду. В ту же минуту хозяин захрапел. Гости ушли.

Коконя забрал Варвару, сел на оленя, который ждал их за юртой, и помчал что было духу в родные края.

Долго спал шаман. Может, день, может, неделю. Все приходили к нему, дивились, что нет Варвары, но боялись разбудить и сказать ему.

Вдруг он закричал на всю юрту: «Варвара! Что ты не несешь мне воды? Что не даешь мне есть?» Но никто не пришел на его зов. Разъяренный, он выбежал в переднюю юрту. В углу сидели испуганные охотники.

«Где Варвара?» — заорал он.

«Ее давно уже нет!» — робко ответил один из охотников, — с тех пор, как ты уснул».

«Это он! Это мальчишка Коконя пробрался ко мне! Подайте мне моих белых оленей, и все мигом за мной! Мы догоним этого мальчишку! Мы раскидаем по ветру его кости!»

Олени мчали что было сил. Деревья гнулись, шарахались птицы, бежал зверь. К избушке старика атамана прискакал в тот миг, когда отъехал от нее Коконя.

«Давно ли, старик, был у тебя парень в гостях?» — крикнул шаман. Старик будто совсем оглох. Вместо ответа он угощал всех вкусной водой. Один по одному засыпали охотники, а сгоряча отведав сонной воды больше всех, шаман захрапел первым.

Проснувшись, он не нашел старика. В гневе сжег он его дряхлую юрту.

Коконя и Варвара уже подъезжали к полю, полному незабудок, когда услышали погоню. Заплакала Варвара. Нет, видно, не судьба ей быть вместе с Коконей. Не видать ей больше его!

Злой шаман убьет храброго воина.

«К сонному ручью! К сонному ручью! — кричали все незабудки. — Они никогда не вернутся оттуда!»

Слышался топот приближавшихся оленей, лай собак, крики.

Коконя мчался к сонному ручью, к могучим пихтам, где можно было легко спрятаться. Вот и сонный ручей! С криком и шумом влетело шаманово войско в темное царство. А ручей очистил от иголок свои берега и был счастлив.

С жадностью набросились все на прохладную воду из ручья. И тут же все войско пало в сон. Храп раздавался далеко по округе. Потом потихоньку стал замолкать, и никто никогда больше не проснулся. Только Коконя с Варварой навсегда ушли из этих мест.

А ручей и теперь еще спит, усыпляя всех, кто испробует его сонной воды. И ждет, скоро ли найдется храбрец разбудить его сон?

ТИМКА-ПАУЛЬ

Всего было в достатке в отцовской юрте Тимки. Богато жил отец его. Много оленей пригнал с гор, много зверя убил. Все есть у Тимки, да только невесты нет. Никого Тимке не надо, кроме одной русской девушки. «Ай-ай! — говорил отец. — Не спит Тимка! Молчит

Тимка!» Много за это время приезжало гостей к отцу, и отец с Тимкой ездили на все праздники, но никого краше не приметил Тимка.

Уже три раза болота мерзли и оттаивали, три раза осыпался лист с деревьев с тех пор, как Тимка с отцом был в русском селе и видел девушку одну. А когда уезжал Тимка обратно в тайгу, она сказала, что ждать его будет. Да уж очень сердит отец Тимки. Не надо отцу в юрту русскую девушку. «Плохая мать будет русская девушка, — говорят старики. — Оленя поймать не может. Нярки, унты, савики сшить не сумеет. Плохая жена будет русская девушка. Пропадет с нею Тимка. Разве такая жена нужна парню манси?» Но Тимка слушать его не хочет.

Ничего ему не надо! На охоту ходить стал редко. Собаки к юрте зверя пригонят, а он и стрелять не хочет.

Думал отец, что пройдет это все у парня, да смотрит — нет! Тоскует сильно сын. Совсем перестал спать.

«Что делать? — в отчаянии думал старик. — Худой дух поселился в Тимке и не дает ему спокойно жить». — «Лечить надо», — говорит старуха Самбиин-далиха.

Долго думал отец и решил ехать далеко к горам, где жил старый шаман. Может, он поможет вылечить от тоски Тимку.

Целых полстада оленей отдал отец. Шаман велел приехать с Тимкой. Приехал Тимка. Закрыв окна шаман, каждую щелочку прикрыл, чтобы свет не проник в юрту, затопил жарко чувал, надел на себя украше-

ния, взял бубен, и кричать да созывать стал всех шайтанов.

Долго молился шаман, долго созывал помощников своих да советовался с ними, а потом как брызнет на Тимку водой. Тимка вскочил, оттолкнул шамана в сторону, да на упряжку и домой поехал. Обидно Тимке, что не в свои дела шаман лезет, но, видно, отец так хочет.

Шаман рассердился не на шутку. Долго молчал, а когда отец стал собираться домой, сказал ему, что сам видел, как злой дух выскочил из Тимки. Спокойно теперь будет жить парень. Все забудет!

Обрадовался отец. Целовал шамана, угощал. «Один сын! Все ему останется!» Мало жить старику осталось. Счастья сыну хочет.

Прошло лето. Подули ветры, унося опавшие листья в лога.

Дни стали короче, пошли дожди, а Тимка совсем перестал разговаривать. Возьмет, бывало, отец в руки свою санголу, думает песней развлечь Тимку, но он сразу выходит из юрты.

Только прошел первый снег, запряг Тимка оленей и уехал.

Ждет, ждет отец Тимку — нет парня! Куда девался Тимка? Неужели больше не придет в родную юрту. Нет, не смог даже старый шаман помочь горю старика. Захворал старик. Горе не дает ему жить. Какая беда с Тимкой? Почему оставил сын его одного? Что сделала с Тимкой русская девушка?

Снова поехал старик к шаману. Сердит на Тимку шаман, сердит и на отца, что он не послал Тимку

просить прощения за обиду. Серdito встретил старика шаман и сказал: «Шайтаны мои сказали, что злой дух живет в твоей юрте. Если ты сожжешь свою юрту, только тогда уйдет беда из твоего дома».

Всю дорогу, пока ехал старик, плакал и не знал, что делать. Вот и юрта родная. Много лет прожил он в ней. Здесь каждый уголок, каждый сучок знаком старику. Неужели правду говорит шаман? Несколько раз обошел старик юрту. Сел, посидел на пороге. Встал, снова обошел и низко поклонился каждому углу.

Принес бересты, уложил все это посередине юрты, положил сухие дрова и... поджег! Сам, закрыв лицо руками, отошел в сторону.

Больно было смотреть старику, как огонь охватил все, затрещали, рухнули сухие бревна, и юрты как не бывало.

Сидит обессиленный от горя старик на пеньке и слышит звуки бубенцов. Олени едут, гостей встречать надо. «Какие гости? — в страхе думает старик. — Что он им скажет?»

Из-за поворота, высоко задрав голову, выбегает упряжка оленей. Не замечая пепла, с нарты соскочил Тимка и счастливый подвел к отцу русскую девушку. Удивился и испугался старик. Что теперь делать? И пригласить гостей некуда. Все сжег старик. Так велел шаман, чтобы не привез в юрту Тимка русскую девушку. А Тимка все-таки привез ее. Тимке и горя мало. Откуда только сила взялась? Дивится старик, видит, как у Тимки все в руках спорится. Скоро Тимка и юрту новую срубил. Сколько счастья пришло в нее! С горечью

думал старик, как мучил он себя и Тимку долгие годы, да что делать! Жизнь учит.

Так и осталось то место в тайге, где счастливо прожили свою жизнь Тимка с русской девушкой, и зовется оно «Тимка-пауль».

АГРЫЧ

Как узнали манси, что живут у них хорошие и добрые соседи — навещать их стали. Сначала поодиночке ездили на оленях, а потом собираться стали целыми стойбищами. Соберутся со всех дальних юрт, разукрасят нарты свои, разукрасят оленей ремнями разно-

цветными да звонкими разноголосыми колокольчиками. Сами оденутся в новые савики, унты. Женщины наденут свои разноцветные, обшитые широкой каймой платки. Заплетут в свои тяжелые косы всякие украшения: бусы, монеты да пуговицы. Детей своих посадят в берестяной тотап, пересыпят их древесной пудрой, укуют тепло шкурами, привяжут к нарте крепкими ремнями и готовы в гости ехать.

Выстроятся олени упряжки в ряд, что им конца и края не видать. Нагрузятся мясом, шкурами, птицей да рыбой, нярками, унтами и поедут в русское селение.

Так и повелось. Русские встречали приветливо. Любовались оленями, покупали, меняли товары. Так было и в этот день. Только старый Григорий отстал от своего ряда, загулял где-то. Да какая беда? Разве страшно Григорию? В лесу он как дома. Юрта его в стороне от других стоит. Дома нет никого, ждать некому.

Давно-давно живет Григорий один. Все есть у него — только душа пуста. Детей нет у Григория. Один, давно один. Была жена. Умерла, наверное, тоже с тоски.

Как стали заниматься звезды на небе, поехал Григорий домой. Ночь светлая. Олени сыты. Дорога болотом идет. Днем на солнце верхушки кочек на болоте стали оттаивать, но проехать еще можно.

Смотрел, смотрел на небо Григорий, засыпать стал и, чтобы веселее было, затянул свою песню о том, что знает он все лужайки и полянки, знает, сколько сучьев на сосне.

Колокольчики раскатисто позванивают, да показалось Григорию, ровно чей-то плач слышится. Остановился он, тихо. Только тронулись олени, опять такой же плач. Встал Григорий с нарт, поправил ремни, осмотрел полозья, тихо... Только сел, дернули олени — опять плач. Встал Григорий, достал из табакерки маленького идола, помолился ему и пошел в сторону, откуда плач доносился. Идет, смотрит, следов нет. Завернул Григорий, чтобы обратно идти, а рядом, совсем рядом снова плач. Вздогнул Григорий, но не оробел. Смотрит: прижавшись к стволу дерева, между двумя кочками ребенок лежит. Растерялся Григорий, а как взять его — не знает. Так, годика два ребенку будет. Видит Григорий, что глаза на него детские смотрят, да руки тянутся, помощи просят. «Ох грех какой! Беда какая!» — бормочет Григорий. Взял он его, а ребенок прижался к нему, прильнул и уснул, пока Григорий шел к упряжке. И так тепло стало сразу Григорию, что заплакал старик.

«Куда поедет теперь Григорий? Что людям скажет? Где ребенка взял?» — рассуждал про себя Григорий. Думать было некогда, завернул он в теплый савик ребенка и вернулся обратно в русское село. Остановился ночевать, а про ребенка никому не рассказывает. Сам услышит, если у кого потерялся. А ребенок молчит, будто понимает и плакать совсем не умеет.

Жил Григорий три дня. Вечером собираться стал. Теплее укутал свою находку и поехал в юрту.

Не знал вначале Григорий, куда деться ему с ребенком, да полюбился ему он за эти дни. Приехал

домой, развернул, да это ведь Агрыч — белолицая, черноглазая девочка.

Дни шли за днями, старый Григорий так привык к Агрыч, что и дня прожить без нее не мог. Агрыч платила ему большой заботой и вниманием. Время шло, и в глуши лесов Агрыч расцвела, как на солнце подснежник. Славная росла девушка, да на душе у Григория забота стала. Не понравился ему вчера след Кривой Ноги. Проходил кто-то недалеко от юрты, а не зашел. «Зачем так делал? Что надо?» — Задумался Григорий, да не напрасно. Проснулся как-то утром, а Агрыч нет. Сразу сердце заболело. Кричать стал Григорий, стрелять, плакать. Где только не искал, только свою юрту тысячу раз обошел. «Где искать? Куда пойти? Сил нет. Совсем стар стал. Как жить без Агрыч? Ай-ай! Беда какая!»

А Агрыч ночью утащили слуги лесного царя. И сколько она ни кричала, сколько ни звала на помощь старого Григория — все напрасно. И не знает Агрыч, куда тащат ее, куда ни посмотрит, везде лес, лес и лес мелькает, да и кто несет ее, тоже не видит. И чем дальше несут ее, тем темнее становится. Верхушки деревьев в небо уходят. Глухота, тихо...

Слышит Агрыч, кто-то подходит к ней сзади и берет ее на руки. Закрыла она глаза от страха, а когда открыла, то больно стало от света. Лежит она на красивом ковре из цветов разных: лесных ландышей да фиалок, марьяна корня да иван-чая. И такой аромат от них, что голова кружится. И куда ни посмотрит Агрыч, нет края цветному полю-ковру. Птицы с ветки на ветку перелетают, щебечут, воркуют что-то,

понять не может Агрыч, а вокруг никого нет. Встала Агрыч, а цветы все перед ней к земле наклонились, а как пройдет — цветут пуще прежнего.

Слышит Агрыч слова ласковые: «Подойди, красавица, не страшись. Улыбнись!» Видит Агрыч, дерево высокое ей клонится. Испугалась она, упала. А старик и говорит: «Не сердись, Агрыч, послушай меня. Суждено тебе жить здесь, в лесу у нас. Быть женой внука моего меньшого. Привыкнешь. Не плохо у нас тебе будет. Много лет мы ждали тебя, караулили. Теперь не отпустим отсюда!» Закряхтело старое дерево, замахало ветвями, словно зовет кого. Видит Агрыч, зашагали деревья вокруг, все ближе и ближе к Агрыч подходят, а одно корявое да изогнутое вперед всех выходит, вышагивает. Смотрит тут Агрыч, что раздвинулся ствол дерева, словно двери открылись: «Заходи, Агрыч, это и будет и дом твой и муж твой».

Испугалась Агрыч, заплакала. Так захотелось ей в теплую юрту к Григорию.

А рядом на дереве все белочка прыгает. Позвала ее Агрыч и попросила отгрызть кончик косы своей и отнести ее Григорию, чтобы знал он, что жива Агрыч и думает о нем. Белочка вмиг перегрызла толстую косу и потащила ее в юрту старого Григория. Рад старик, плачет от счастья, ждет Агрыч. А Агрыч не хочет идти в двери корявого дерева: «Зачем Агрыч закрыть в дерево хотят? Агрыч простор любит! Агрыч ветер любит! Агрыч домой хочет».

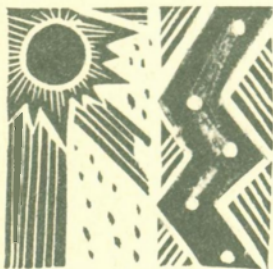
Говорит старик лесной царь: «Не пустим тебя. Ты лесная девка! Нет у тебя ни отца ни матери! Ты в лесу жить должна! Не видать тебе никого никогда!»

И опять деревья зашагали, замахали ветвями. Плачет Агрыч, слезы, как роса утренняя, блестят на листьях.

Попросила Агрыч деревья пустить ее к Григорию сбегать, успокоить его. Отпустили, только стражу крепкую поставили. Бежит Агрыч, ног под собой не чувствует, бежать легко, кос нет, короче стали.

Увидела Григория Агрыч, как начала плакать, рыдать, слова сказать не может, а сама от такого плача все меньше и меньше становится, и на глазах Григория в маленькую птичку-кукушку превратилась. Вспорхнула, села на плечо Григорию и закуковала, как заплакала. Облетела вокруг юрты и снова закуковала. Ждет-пождет лесной царь Агрыч, а ее все нет и нет. Прибежали слуги и сказали, что птичкой Агрыч стала, и еще сказали, что, когда кукушка куковать перестанет, тогда и придет к ним Агрыч. Ждут, ждут деревья, а кукушка перестанет куковать да снова начнет. Так и конца не видать.

И летает с той поры по тайге птица кукушка. По Григорию тоскует, кукует, да и гнездышка своего не вьет.

ПАЧЕ, РУМА

Похоронил Яков своего предпоследнего сына. Выложил из тонких сосенок сруб над могилой, чтобы легче было найти через долгие годы. Нарубил дров, надрал бересты, чтобы мог «обогреться» сын его, и, еле волоча ноги, сгорбившись, побрел к юрте,

Дул теплый ласковый ветер, в родные края прилетели утки и гуси, вскрылись озера, оттаяли болота, и маленькая речушка уносила последние льдинки. И всякий раз, когда разливалась река, начинало греть солнце, в юрту к Якову приходило горе. Восьмого сына отнял у Якова шайтан. Кто будет кормить Якова в старости? Один только Алешка остался. «Кто знает, оставит ли его злой шайтан?» — рассуждал старик.

По тому, как собаки заводили ушами, прислушиваясь, Яков понял, что кто-то идет в его юрту. Верные спутники тайги, лучшие друзья и преданные помощники — собаки не обманут ни взглядом, ни лаем.

Вскоре на пригорке, где стояла юрта Якова, показалась упряжка оленей. Хорошие, крепкие олени волокли по земле нарту, сзади нарты, чуть волоча ноги, плелась обессилевшая пара оленей. Были видны следы недавно перерезанного ремня. Яков понял, что где-то оставлены издохшие олени, не выдержавшие трудного пути.

Яков с тоской смотрел на издыхающих оленей, которые, собрав последние силы, взобрались на пригорок и как подкошенные свалились к нарте. Еще несколько минут бока их резко поднимались, и большие умные глаза остеклянели.

Яков еле-еле узнал в жестоком наезднике шамана. Много лет его не видел Яков. Много лет не бывал на Празднике медведя Яков, не бывал и в ильин день, когда пригоняют с гор всех оленей и устраивают пиршество. Он знал, что шаман не любит его. Так зачем же теперь приехал к нему шаман?

«Где твой Алешка?» — зло спросил он.

Яков знал, что Алешка ушел в ту сторону, где садится солнце. Ушел на лыжах, когда было много снега. Ушел не один, ушел с хорошей думой к руме Ленину. Ушел спросить его, почему так плохо живут люди манси? Почему каждую весну злой шайтан отбирает вместе со льдом матерей, братьев, сестер? Отчего гибнут целые стада оленей?

Яков молчал, а шаман, не дождавшись его ответа, кричал: «Это ты научил своего Алешку? Он заходил в каждую юрту и говорил про Ленина. Больше Алешка твой не придет! Я послал за ним всех своих шайтанов, они догнали его! Вот, на!» — и Васька-шаман бросил Якову в лицо пояс, на котором была табакерка Алешки. Понял Яков, что не дошел Алешка до Ленина, что ждать ему больше некого. Но не заплакал Яков, не стал просить у шамана помощи.

Шаман в ярости кричал:

«Я пошлю на тебя проклятие! Ты хочешь зла своему народу! Ты забыл наказ наших отцов? Ты забыл, как Прокопка ходил к царю? Как пришли в наши юрты жадные купцы? Как стали они обманывать манси? Худой дух сидит в тебе! На огне тебя сжечь надо! Алешка твой тоже пустил худой слух по юртам!»

Шаман еще долго кричал, говорил Якову обидное, грозил. Плюнув с досады, оставив все, шаман ушел. Куда? Ждали ли его еще где олени? Или долгие версты пешком прошел, только Яков его больше не видел.

Что оставалось делать Якову? Долго думал старик. Ночами не спал и решил сам идти к руме Ленину.

Закрыв свою юрту, припер дверь палкой, взял с собой всех собак, чтобы было веселее в пути, и пошел к горам.

Очень долго шел Яков, и нярки сносились, лузан порвался, а Яков все идет и идет.

Вдруг он увидел огни большие, от которых было светло, как от больших костров, а кругом все гремело, как гром. Он увидел много людей. Все с любопытством смотрели на Якова, но стоило ему только сказать одно слово — Ленин, как все уступали ему дорогу, все ласково провожали его взглядами, видя, что идет человек издалека и по делу.

Подошел Яков к большому, как гора, дому, видит, стоит человек с ружьем. Сказал Яков, что ему надо, — пропустили его. И вот встретил Яков Ленина — умного доброго человека, о котором знают все люди на земле, и манси тоже. «Паче! Паче! Рума емас!» — говорил Яков. Ленин тоже говорил ему, улыбаясь: «Паче! Паче!»

Рассказал все Ленину Яков о шамане, обо всем, о чем думал. Помочь просил Ленина маленькому народу.

Долго слушал Ленин Якова, слушал да в книжку себе записывал, а на прощание обещал ему сделать все, что можно. Поклонился Яков низко Ленину и пошел. Хорошо на душе у Якова! Ленина видел! Все рассказал. Хотели Якова на железном олене до юрты довести, да нет, снова пошел пешком Яков. Долго шел, а пока пришел до знакомых мест, с трудом узнал их.

Слово Ленина раньше Якова прилетело в мансийские юрты. Лучшие охотничьи уголья отдали всем, а

шамана прогнали вон из тайги. И не стал уносить лед с собой людей — всех исцелили люди в белых халатах, которых тоже Ленин послал. Обидно только Якову — не дожили сыновья его до радостных дней. Да, радостно старому охотнику, что счастье для всех в юрты пришло. И часто вспоминал старый манси, как Ленин тепло говорил ему: «Паче! Паче, рума!» — «Здравствуй, друг!»

ОЛЕНЬЯ ДОЛИНА

Вскоре после того как охотник Илья прогнал шамана с Молебного камня, у одной из шамановых жен родилась дочь. Как правило, шаман нарекал каждому из своих новорожденных детей по два оленя, и пока подрастет ребенок, для него готово приданое — целое

в горы. Софья не знала, что делать. Огромный волк вот-вот готов был схватить красавца оленя.

Но вдруг выстрел! Волк, высоко подпрыгнув, оскалив зубы и рыча, грохнулся и покатился вниз по горе. Такая же участь ждала и остальных волков.

«Кто этот храбрец? — громко крикнула Софья. — Бери моих лучших оленей!» Из-за большого камня будто вырос молодой охотник. «Спасибо тебе, охотник!» — сказала Софья. Охотник молчал. «Мало? — тихо спросила Софья. — Бери сколько хочешь!»

Но охотник только посмотрел на нее и пошел дальше.

«Зачем уходит охотник? Зачем охотник обидел Софью?»

«Нет, Софья, мне не надо твоих оленей! Люблю я их очень. От любого зверя защищу всегда. А твоих оленей мне не надо! У меня есть. Хватит на охоту ездить!» — И пошел.

Долго смотрела Софья вслед охотнику, но он так и ушел, не обернувшись.

«Какой хороший Прокопка! (так звали охотника) — рассуждала Софья. — Другой только и говорит: «Дай оленя! Меняй оленя! Продай оленя!» Прокопка нет. Прокопка ушел. Хороший Прокопка. Сказать отцу надо. Пусть зовет Прокопку в юрту к нам».

Вернувшись домой, Софья долго рассказывала отцу о Прокопке. Шаман знал, что Прокопка хороший и честный парень, но Прокопка сын Ильи, сын того, кто выгнал его, шамана, с Молебного камня. Как и что он мог сказать Софье. Он сердито ворчал, клал за губу табак да зло прикрикивал на жен. Поняла

Софья, что не любит отец за что-то Прокопку и решила сама найти его.

А Прокопка повадился к этим местам. Украдкой любовался Софьей. И довелось им встретиться. Рассказал Прокопка все Софье, что от отца знал. И сказал, что никогда больше не придет в эти края, уйдет далеко-далеко, за горы. Грустно стало Софье, она и говорит: «Скажу я сегодня отцу, пусть отдает меня замуж. И пойду я только за того, кто найдет в тайге черного соболя. Ты отыщешь его, Прокопка?» — заглядывая ему в глаза, говорила Софья.

«Бери любого оленя, самого здорового, самого сильного и ищи!»

Как крикнула Софья своим звонким голосом, и все огромное стадо оленей опустилось перед Прокопкой на колени, опустили низко головы. «Бери любого!»

Выбрал себе оленя Прокопка и помчался в тайгу. Пришлось объявить отцу по всем юртам и стойбищам об условии Софьи, и сотни охотников отправились в тайгу искать черного соболя.

Каждый день теперь к юрте шамана подъезжали охотники, но все привезенные ими соболи были не те.

Опечаленные и обиженные, шли охотники снова в лес.

И каждый раз, когда подъезжала новая нарта, Софья выбегала навстречу и смотрела, не Прокопка ли приехал с соболем.

Долго гонялся Прокопка за соболем, старым и хитрым. И вот в лузане Прокопки мягкая, дорогая, черная с проседью шкурка соболя.

Робко подъезжал он к юрте шамана. Как погладит шаман соболя против шерсти — не видать ему Софьи. Не согласен, значит, шаман отдать в жены ему дочь свою.

Зашел Прокопка в юрту неожиданно: не звенели бубенцы, не лаяли собаки, словно он стоял за дверью и был тут всегда. От неожиданности растерялся шаман, а Прокопка подает ему шкурку черного соболя. Увидел ее шаман, совсем помрачнел. Брать не хочет, руки за спину прячет.

Наконец, взял шаман шкурку дрожащими руками и положил ее себе на колени. А Софья смотрит и глаз не спускает с отца.

Долго держал шаман соболя на коленях, долго жевал табак и шептал что-то. Потом положил свою руку всю в кольца на соболя и стал гладить его против шерсти. Ворсинки сами ровно ложились и не пускали трогать их против, да только шаман все быстрее и быстрее гладить их стал.

Понял тут Прокопка, что уходить ему надо, что чужой он здесь. Опустил он голову и так же тихо вышел из юрты.

Сильный ветер встретил его да темная ночь. Надев лыжи, шел Прокопка к долине, где паслись олени Софьи, где он впервые увидел ее. Сзади слышал он крик. Ему показалось, что это вьюга хохочет над ним. Но крик повторился. Прокопка узнал Софью. Проваливаясь в снег, она без лыж догоняла Прокопку. Поймала его за савик и, громко рыдая, бросилась к нему. Он обнял ее. И только хотели они бежать, как со всех сторон их окружили олени: рога наставляют,

снег гребут копытами, мычат, не пускают Прокопку с Софьей.

Ночью шаман спал плохо. Тревожные мысли не давали ему покоя: он ворочался с боку на бок, бормотал что-то про себя и, не дождавшись рассвета, стал собираться, чтобы отыскать по следу Софью и вернуть домой непослушницу.

Вьюга валила оленей с ног, никаких следов не было видно, и шаман поехал дальше. Из-за леса медленно выкатывало солнце.

Вся большая долина, что находится между гор, была полна оленей. У шамана на миг замерло дыхание. Он никогда еще не видел такого огромного стада. На белом поле видно было только черное пятно. Шаман погнал быстрее своих оленей. Мела метель, и свистел ветер. Подъехав ближе, шаман увидел два замерзших трупа, а возле них околевшее стадо оленей.

Так с тех пор и зовется это место Оленьей долиной.

111

244-24.01

99-24.04

12 ЦТ 3941—93

